

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук

Центр «Петроскандика»
НИИ комплексных социальных исследований
Санкт-Петербургского университета

**Европа—Азия:
Проблемы этнокультурных
контактов**

К 300-летию Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург
2002

Сборник включает материалы международного симпозиума «Хозяйственно-культурные типы и этнический менталитет в Циркумбалтийском ареале» (1997), а также работы постоянно действующего семинара «Между Азией и Европой: проблемы этнокультурных контактов». Рассматриваются вопросы взаимовлияний культур различных народов Евразии.

Для этнологов, археологов, историков, культурологов и всех, интересующихся этой проблематикой.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Г.С. Лебедев*

Под общей научной редакцией
доктора исторических наук *А.С. Мыльникова*
и доктора исторических наук *М.Б. Щукина*

Составитель
кандидат исторических наук *Ю.Ю. Шевченко*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Д.Г. Савинов*
кандидат исторических наук *Н.В. Ушаков*

Издание подготовлено при финансовой поддержке НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ, Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга

ISBN 5-88431-063-3

© МАЭ РАН, 2002
© Центр «Петроскандика» НИИКСИ
СПбГУ, 2002
© А.Ю. Харитоновна, обложка,
художественное оформление, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит материалы международного симпозиума «Хозяйственно-культурные типы и этнический менталитет», проведенного в октябре 1997 г. Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук совместно с постоянно действующим межмузейным семинаром «Между Азией и Европой: проблемы этнокультурных контактов». Подготовка заседаний симпозиума велась Отделом европейстики Кунсткамеры совместно с Государственным Эрмитажем и кафедрой археологии Санкт-Петербургского государственного университета. Объединение творческих сил этнографов и археологов позволило существенно расширить источниковую базу и ареал изучаемых явлений. Своеобразным символом междисциплинарности явилось чествование участниками форума двух известных российских археологов, специалистов по этнической истории и истории культуры Дмитрия Алексеевича Мачинского и Марка Борисовича Щукина в связи с их 60-летием.

Сборник состоит из двух частей. Первая из них включает материалы названного балтийского симпозиума, подготовленного в рамках долговременного международного проекта «Традиционные культуры народов Балтийского ареала». Вопрос этот имеет свою историю. Основы концепции проекта, первоначально называвшегося «Производственные традиции и трудовые навыки в народной культуре Российского Северо-Запада и стран Балтии», разработанные в Кунсткамере в 1990—1992 гг., получили поддержку научных центров и отдельных ученых из Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Германии. Не в последнюю очередь и потому, что в качестве комплексной, сопоставительно-типологической, такая проблема до сих пор практически не ставилась.

Реализация проекта началась в феврале 1994 г., когда состоялся первый, во многом вводный, симпозиум по теме: «Этнография крестьянского двора».*

Вместе с российскими учеными из Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска и других городов участниками симпозиума стали коллеги из

* Мыльников А. С. Этнография крестьянского двора // Этнографическое обозрение, 1994, № 6. С. 155—159; Осницкая И. А. Дом лифляндца XVIII века глазами современников // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1997. Вып. 6—7. С. 52—71.

Чэнь Лин. Люэлунь «шаньжун вэньхуа» дэ цзушу цзи сягуань вэньти (Немного об этнической атрибуции «шаньжунской культуры» и связанных с этим проблемах) // Хуацяо. 1996. № 3. С. 63—76.

Ши Няньхай. Цинь Ши-хуан чжидо и цзи дэ таньсоу (Разведка остатков «прямого пути» Цинь Ши-хуана) // Вэнь. 1975. № 10. С. 44—54, 67.

Ши Няньхай. Хуанхэ чжун ю Чжаньго цзи Цинь ши чжэ чанчэн и цзи дэ таньсоу (Исследования остатков длинных стен в среднем течении Хуанхэ, относящихся к эпохам Чжаньго и Цинь). Шэньси ши да сюэбао. 1978. № 2. С. 50—66.

Ши Няньхай. Хуанхэ чжун ю Чжаньго цзи Цинь ши чжэ чанчэн и цзи дэ таньсоу (Исследования остатков длинных стен в среднем течении Хуанхэ, относящихся к эпохам Чжаньго и Цинь) // Чжунго чанчэн и цзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981а. С. 52—67.

Ши Няньхай. Ээрдосы гаюань дун цзюнь Чжаньго шици Цинь чанчэн и цзи таньсоу цзи (Записи о разведке остатков длинных стен царства Цинь периода Чжаньго в восточной части плато Ордос) // Чжунго чанчэн и цзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981а. С. 68—75, 117.

Ши цзи (Записи историка) / Сыма Цянь авт. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ комм. Т. 1—10. Изд. четырнадцатое. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ. 1996. 3322 с., 56 с. прил. Шо юань (Сад высказываний) / Лю Сян авт. Пекин, 1976? (Чжунго цзысюэ минчжу цзи чэн, 26).

Шуй цзин чжу (Речной канон с комментариями) / Ли Даюань автор. Издание третье. Чанша: Юэ Лу шуинь чубаньшэ. 1996. 597 с.

Ян Куань. Чжаньго ши (История периода Чжаньго). Шанхай, 1957.

Ян Чжисцзюнь, Хао Сыдэ, Ли Чэци. Пиньян муди (Могильник Пиньян). Пекин, 1990. 257 с., ил.

Ян Шичжун. Нинся Гуюань Люпинцунь фацзюэ и цзо Дун Чжоу му (Могила эпохи Восточного Чжоу обнаружена в Люпинцунь уезда Гуюань, Нинся) // Каогу. 1992. № 5. С. 469—470. Янь ся ду (Нижняя столица Янь). Т. 1—2. Пекин, 1998.

М. Б. Щукин

О ПЕРВОМ ПОЯВЛЕНИИ ГОТОВ В ДУНАЙСКО-ПРИЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ И НАЧАЛЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памяти Иохима Вернера

Свидетельства о первых появлениях готов на границах Римской Империи в письменных источниках весьма скупы, противоречивы и неопределенны. Состоят они в нижеследующем.

Прежде всего это, конечно, рассказ о готах, переправившихся во главе с королем Беригом с острова Скандзы в Балтийском море куда-то в район нижнего течения Вислы, воевавших здесь с ульмеругами и вандалами, а, «когда правил только пятый после Берига король Филимер», двинувшихся к юго-востоку на земли Скифии, называвшейся на их языке Ойум, к берегам Черного моря [Iord. Get. 25—27]. Но, как известно, эти сведения легендарные, и если нечто похожее и имело место на самом

деле, мы не знаем, когда происходили эти события, на этот счет у Иордана нет никаких данных. Остается искать сведения в других источниках.

Самые ранние свидетельства письменных источников о присутствии готов в Северном Причерноморье не лишены некоторых противоречий и несуразностей. Петр Патрикий сообщает, что, когда наместником Мезии был некий Тулий Менофил, к нему пришли послы племени карпов с претензией, почему римляне платят дань готам, а им, карпам, не платят, хотя они ничуть не хуже. Менофил в выплатах отказал [Petr. Patr., fr. 8]. Из сказанного следует, что к этому моменту готы уже находились некоторое время вблизи нижнедунайской границы Империи. Когда же это было?

Издатели текста Петра Патрикия и некоторые последующие исследователи [Лавров, 1997, с. 79] полагают, что Менофил был наместником Мезии при Александре Севере, около 230 г. Но в «Истории Августов» дважды сообщается [SHA, Max., 21,6; Max et Balb., 12,2], что в 238 г., когда Сенат избрал императорами Пуппиена, Бальбина и малолетнего Гордиана III, а выдвинутый в 234 г. солдатами паноннских легионов Максимин Фракийец двинулся в Италию для восстановления своей власти и по пути осаждал Аквилею, то обороной ее руководил Тулий Менофил. Считается, что после этого он и был назначен Гордианом III наместником Мезии и оставался на этом посту до 241 или 242 г. Кроме того, известно [SHA, Max. et Balb., 16,3], что при Пуппиене и Бальбине в том же, 238 г. «карпы сражались с мезийцами, началась война со скифами и произошел разгром Истрии». Упомянутых скифов принято считать готами, поскольку в последующих событиях на Балканах они часто называются «скифами».

В 242 г. молодой Гордиан организовал большой поход на восток против персов и, проходя через Мезию, «истребил, обратил в бегство, изгнал и оттеснил всех врагов, сколько их было». [SHA, Gord., 26,2]. Среди побежденных, как полагают, были и готы, вынужденные, в результате, принять участие в походе Гордиана. Последнее — очевидно и подтверждается независимым источником: победной трехязычной надписью Шапура I, разбившего Гордиана [Луконин, 1969, с. 53; Лавров, 1997, с. 81—82].

Как нетрудно заметить, присутствие и активность готов на Дунайских границах Империи в 230—240-х годах подтверждается не столько прямыми указаниями источников, сколько предположениями комментаторов, но комментарии эти не лишены разумности и выглядят как вполне вероятные.

Имеются, однако, некоторые, еще более смутные сведения, позволяющие предполагать и более раннее появление готов или некоторых выходцев из их среды в пограничье Империи. Эти сведения сопряжены с жизнью и деятельностью упомянутого Максимиана Фракийца.

И Юлий Капитолин, один из реальных или вымышленных авторов «Истории Августов» [SHA, Max., 1, 4—6], и Иордан, со ссылкой на Симакха [Iord. Get. 83], сообщают, что Максимин был родом из фракийского по-

селка на границе с варварами, мать его была аланкой, а отец — готом или, по Капитолину, выходцем «из страны готов».

Когда же могли встретиться родители будущего императора, когда он родился? Прямых указаний на этот счет в источниках нет. Известно лишь, что военную службу он начал при Септимии Севере (193—211 гг.) и поступил на нее в день рождения Геты, младшего сына Севера, по поводу чего были устроены военные игры, где молодой силач и отличился [SHA, Max., 2, 3—4]. Речь, очевидно, может идти лишь о какой-то годовщине принца, какой — неизвестно, но родился он до того, как Септимий стал императором [SHA, Get., 3, 1—2].

Максимино, когда он поступил на службу, было, вероятно, не менее 18—20 лет и, следовательно, его рождение позже 171—175 гг. малореально. При Гелиогабале, внуке Севера (218—222 гг.), он уже был в «зрелом возрасте» [SHA, Max., 4,6].

Следовательно, родился Максимин еще при Марке Аврелии, во времена Маркоманнских войн, в которых, как известно, принимали участие не только обитатели Среднего Подунавья — маркоманны, квады, сарматы и прочие, — но и некие «*superiores barbari*» [SHA, Marc., 14, 1], верхние или северные варвары, выходцы из Северной Европы [Godłowski, 1984; Dobesch, 1994]. Известно также, что Марк Аврелий «бесконечное число варваров разместил на римской земле» [SHA, Marc., 24, 3]. Не был ли и отец Максимино в их числе?

Во время Маркоманнских войн Марку Аврелию довелось иметь дело и с сарматами. В 169 г. они вторглись на территорию Паннонии и только в 175 г. императору удалось покончить с их враждебностью. Он получил титул *Sarmaticus*, восемь тысяч сарматских кавалеристов были приняты в римскую армию, а 5500 всадников было направлено на охрану Адрианова вала в северной Британии, откуда происходит и известное надгробие с изображением конника в характерном коническом головном уборе или шлеме и с развевающимся длинным вымпелом, явно сармата [Sulimirski, 1970, p. 175. Pl. 45—46].

Судьбы же отдельных личностей из числа участников всех этих событий могли быть достаточно разнообразны, так что встреча родителей Максимино именно в это время весьма вероятна.

Еще более показателен другой эпизод из жизни будущего солдатского императора. Известно, что при правлении Макрина в 217—218 гг. Максимин «ушел с военной службы и во Фракии, в деревне, где был рожден, приобрел собственность и постоянно поддерживал с готами торговые отношения <*cum Gothis commercia egercut*>. Он также был любим гетами, как будто бы был из их общины. Все аланы, которые приходили к берегу, признавали его другом, предлагая со своей стороны дары» [SHA, Max. IV, 4—5. Перевод В. В. Лаврова].

Из приведенного пассажа ясно, что в данном случае не может быть речи об обычной для Иордана контаминации готы=геты, в «Истории Ав-

густов», напротив, упомянуты и те, и другие. Ясно также, что и готы, и аланы находились где-то в пределах досягаемости от той фракийско-гетской деревушки на берегу Нижнего Дуная, где Максимин жил в это время. И свидетельство это в достаточной мере очевидно, если отбросить все, действительно существующие сомнения относительно достоверности «Истории Августов» в целом.

О том, что некие германские контингенты присутствовали в римской армии и в самом начале III в н. э. свидетельствует найденная в Сирии эпитафия легионера, носившего имя Гутта, сына Эрманария, и погибшего в 208 г. [Лавров, 1997, с. 70; Fiebiger, Schmidt, 1939, Nr 20]. Сочетание имени и отчества этого персонажа вполне могло бы соответствовать его готскому происхождению.

Следующее по времени смутное свидетельство о готах относится ко времени Каракаллы. В 213 г. он, из Галлии, «готовясь отправиться на Восток, прервал свой путь и остался в Дакии. В Реции он убил немалое число варваров..., одолев германцев он назвал себя, в шутку или серьезно, «Германским»... путь по Фракии он совершил вместе с префектом претория...» [SHA, Carac. V, 1—8]. Тогда-то, отправляясь на Восток, он, вероятно, и «побеждал готов, называемых гетами, в случайных стычках <*tumultuarii proelii*>», что и дало повод для известной шутки Гельвия Пертинакса, ссылавшегося на созвучие имени геты=готы и убитого Каракаллом его сводного брата Геты [SHA, Carac. X, 5; Лавров, 1997, с. 70—79]. Где Каракалла сражался с готами, в Реции, в Дакии или во Фракии, остается не совсем ясным.

При всей неясности приведенных здесь свидетельств, их совокупность заставляет предполагать, что в интервале 166—242 гг. некие группировки готов уже появились в пограничье Империи, сначала, видимо, в виде небольших отрядов, затем их присутствие все более и более становится заметным.

Вероятно, в пределах этого интервала и должно было произойти переселение готов Филимера в страну Ойум, описанное Иорданом [Iord. Get. 25—27]. С большей точностью определить хронологию этого события мы вряд ли в состоянии.

Что касается археологических источников, то приблизительно на это же время (166—242 гг.) приходится целый ряд наблюдаемых явлений, более детальное рассмотрение которых будет предложено в другом месте.

Здесь же упомяну лишь некоторые обстоятельства и наблюдения. Участие «северных варваров» в событиях Маркоманнских войн фиксируется, например, «болотными» находками деталей римской военной униформы в Иллерупе в Дании [Ilkjær, Lønstrup, 1982; Ilkjær, 1990—1994], Маркоманнским войнам посвящен специальный сборник статей [Markomannenkriege... 1994], авторы которого находят целый ряд археологических свидетельств происшедших событий.

Отмеченный выше временной интервал — 166—242 гг. — соответствует в европейской хронологической системе переходу от раннеримского времени к позднеимперскому, ступеням B_2/C_1 , C_{1a} и C_{1b} . Как показывают последние изыскания [Godłowski, 1994; Щукин, в печати], все эти, казалось бы, последовательно сменяющиеся ступени, в действительности в значительной мере перекрывают друг друга. Если же учесть приводимые К. Годловским находки импортной керамики terra-sigillata в вавварских комплексах, то получится следующая картина (рис. 1). Соответственно и в наблюдавшиеся археологические процессы придется внести некоторые хронологические коррективы. Впрочем они не столь существенны, чтобы изменить ситуацию в целом.

А самым существенным в этой ситуации было явление, замеченное Рышардом Волонгевичем. Где-то на рубеже ступеней B_2/C_1 и C_{1a} , т. е. около 200 г. по прежним расчетам, прекратились захоронения на достаточно убедительно связываемых с готами Берига-Филимера могильниках типа Одры-Венсёры вельбаркской культуры в Кашубско-Краенском Поозерье Польского Поморья, территория эта на некоторое время запустела, а одновременно пшеворские памятники Мазовии и Подлясья сменяются вельбаркскими [Wołagiewicz, 1981; Щукин, 1994, рис. 96—97].

Мы не знаем, произошли ли эти события в течение трех-четырёх лет или растянулись на десятилетия. Если же исходить из предлагаемой «ромбической» системы, то перекрывание ступеней B_2/C_1 и C_{1a} должно бы было приходиться на интервал 150—200 гг. Соответственно дата названных событий может «плавать» в пределах этого интервала, хотя «пик вероятности» мог бы прийти на 170—180-е годы, т. е. на конечный этап Маркоманских войн.

Одновременно или почти одновременно, несколько раньше или чуть позже, происходит процесс дальнейшего продвижения носителей вельбаркской культуры к юго-востоку в виде так называемой Брест-Тришинской волны вельбаркского проникновения — закладываются могильники в Брест-Тришине, Любомле и других местах [Кухаренко, 1980; Szczukin, 1981], в Баеве II, с последнего, кстати, происходит характерная золотая S-видная скрепа ожерелья [Козак, 1992, рис. 56], яркий признак ранней, любовидской, стадии вельбаркской культуры.

Процесс этот неоднократно обсуждался в литературе [Кухаренко, 1980; Wołagiewicz, 1981; 1993; Szczukin, 1981; Баран, Гороховский, Магомедов, 1990; Магомедов, 1989; Хавлюк, 1988; Каспарова, 1989; Козак, 1988; 1992; 1994; Терпиловский, 1989; Русанова, 1993] и нет необходимости ни повторяться, ни вникать в детали (рис. 2).

Тогда же, вероятно, возникла и специфическая масломенжская группа памятников Любельщины [Kokowski, 1995; Schätze... 1995].

Одним из наиболее ранних и самым далеко отстоящим на восток является трупосожжение в урне, в качестве которой использован типичный

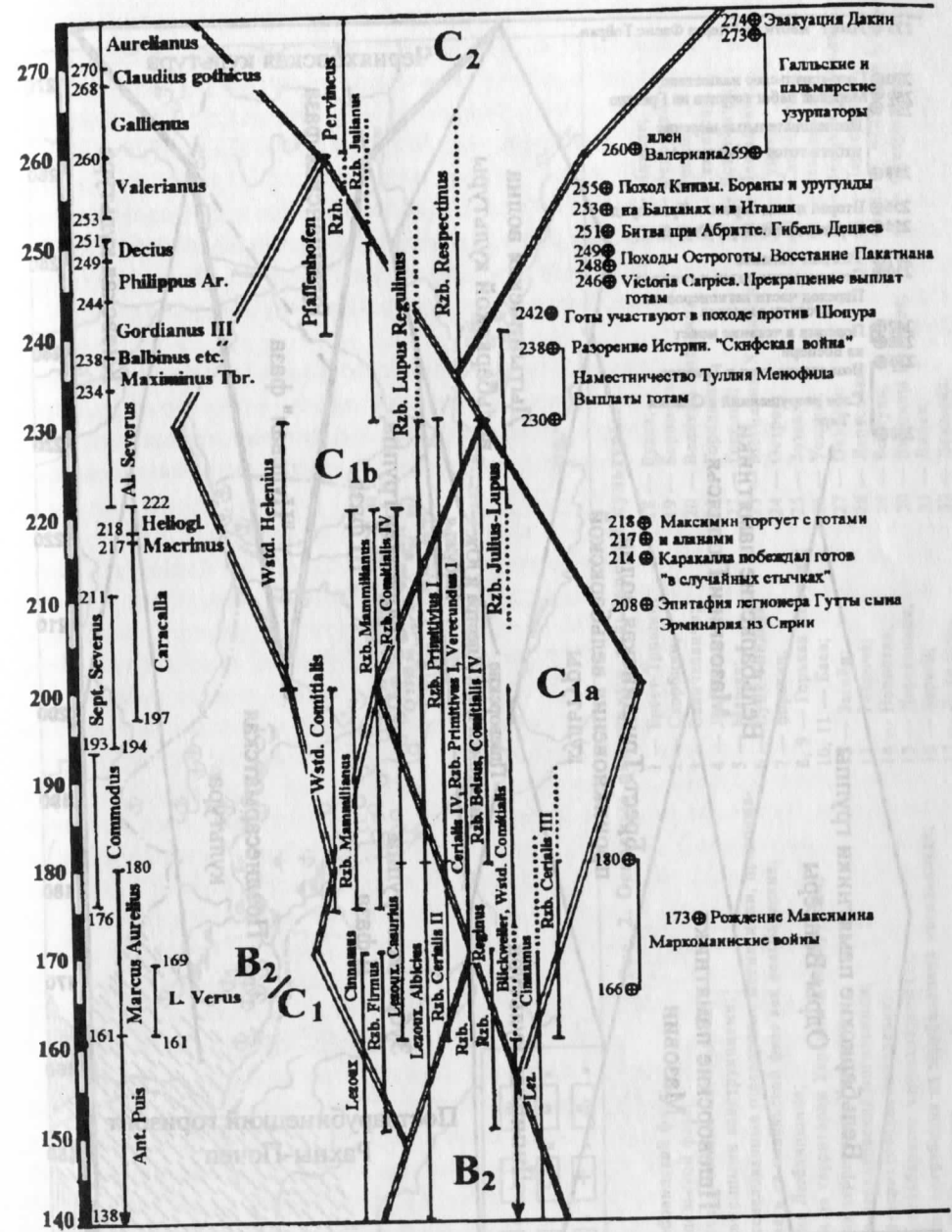

Рис. 1 (левая сторона). Общеευропейская хронологическая система при абсолютном датировании по находкам керамики terra sigillata (по К. Годловскому) и соответствующее хронологическое положение соответствующих археологических явлений Восточной Европы.

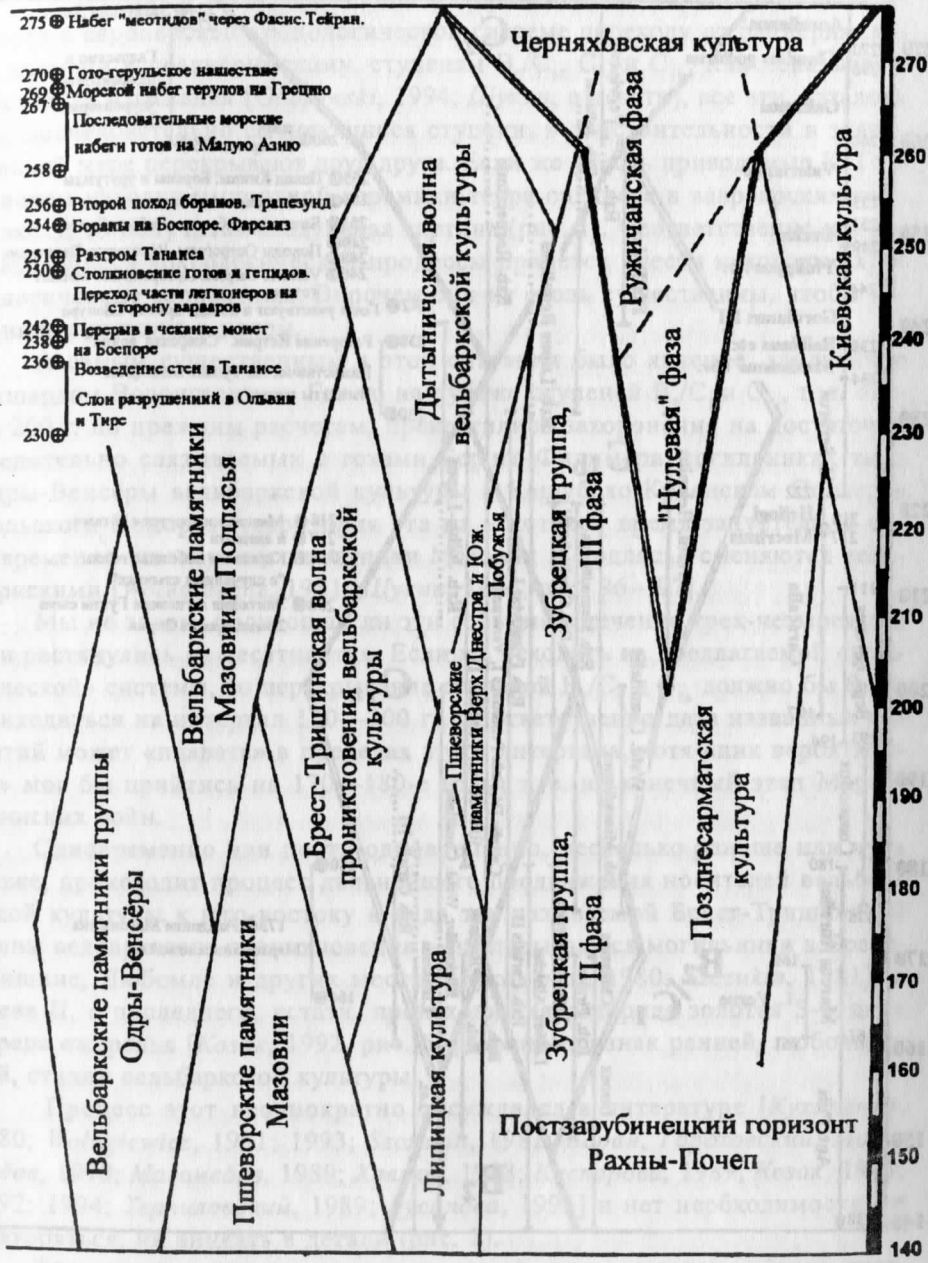

Рис. 1 (правая сторона). Общеευропейская хронологическая система при абсолютном датировании по находкам керамики terra sigillata (по К. Годловскому) и соответствующее хронологическое положение соответствующих археологических явлений Восточной Европы.

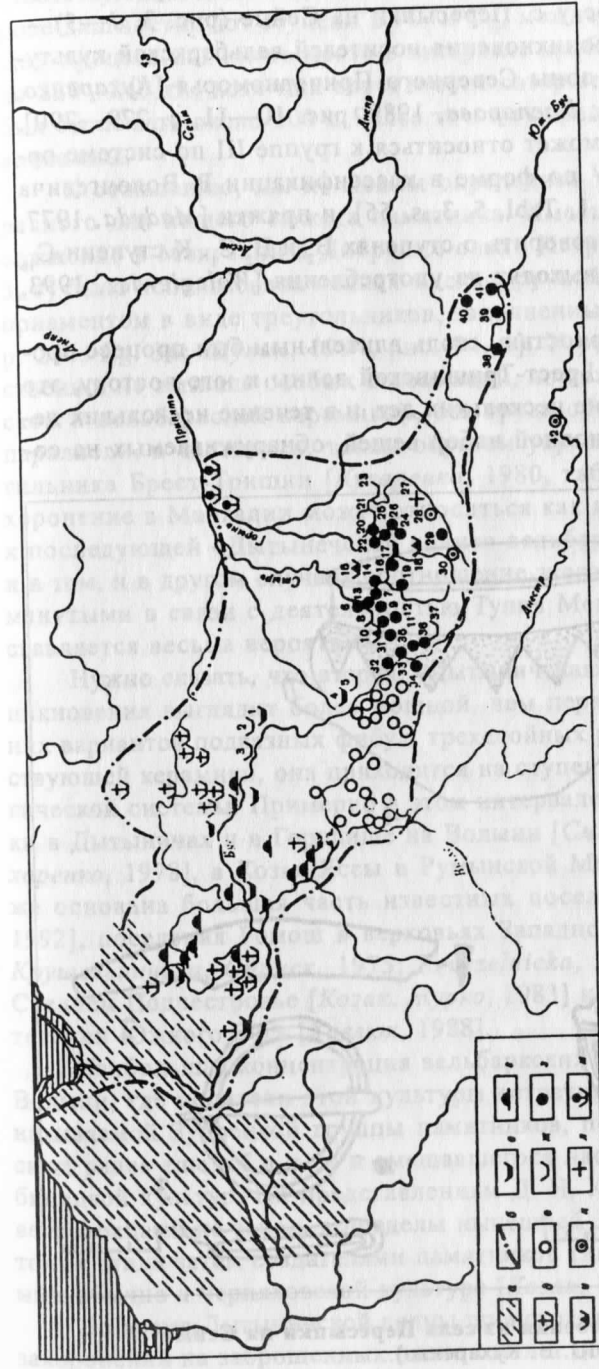

Рис. 2. Основные памятники вельбарской культуры.

- а — ареал на лобовидской фазе;
 б — ареал на целельской фазе;
 в — наиболее исследованные могильники;
 г — курганы с каменными конструкциями;
 д — наиболее исследованные пшеворские могильники, продолжающие существовать на целельской фазе как вельбарские;
 е — памятники на Люблинщине;
 ж — могильники на территории Украины и Белоруссии;
 з — поселения на территории Украины;
 и — вельбарско-черняховские могильники;
 к — вельбарско-черняховские поселения;
 л — клад вещей вельбарско-черняховский (?);
 м — вельбарские погребения на зарубинецких могильниках;
- 1 — Брест-Гришини;
 2 — Скорбичи;
 3 — Величковичи;
 4 — Любомль;
 5 — Машев;
 6 — Луцк-Гнидава;
 7 — Боратин;
 8, 9 — Горькая Полонка;
 10, 11 — Басв;
 12 — Загайи;
 13 — Ровача;
 14 — Новослав;
 15 — Деревянное;
 16 — Береги;
 17 — Дитиничи;
- 18 — Рудка;
 19 — Боромель;
 20 — Великий Олексин;
 21 — Городище;
 22 — Гордодок;
 23 — Могиланы-Хмельник;
 24 — Остров;
 25 — Зозев;
 26 — Уездны;
 27 — Окнины;
 28 — Лепесова;
 29 — Борсуки;
 30 — Викинны Великие;
 31 — Лицев;
 32 — Лежница;
- 33 — Михале;
 34 — Фелоровцы;
 35 — Ромаш;
 36 — Свйтзев;
 37 — Ястремичи;
 38 — Демидова;
 39 — Гулька;
 40 — Слобода;
 41 — Зеньковцы;
 42 — Великая Слобода II;
 43 — Пересыпки;
 44, 45 — Велинич I, II;
 46 — Отвержици.
- Составитель К. В. Каспарова

сосуд с орнаментальным сочетанием лощеной и нарочито ошершавленной поверхностей, обнаруженное у с. Пересыпки на Сейме (рис. 3, 1—3) — очевидное свидетельство проникновения носителей вельбаркской культуры в глубины лесостепной зоны Северного Причерноморья [Кухаренко, 1970; Szczukin, 1981, Рис. 4; Каспарова, 1989, рис. 10—11, с. 279—290]. Сочетание сосуда, который может относиться к группе III по системе орнаментации или к группе V по форме в классификации Р. Волонгевича [Wołagiewicz, 1993, Tabl. 11, 1, Tabl. 5, 3, s. 55], и пряжки [Madyda, 1977, s. 365, tabl. II, 5] позволяют говорить о ступенях B_2 и B_2/C_1 . К ступени C_{1b} и те, и другие практически выходят из употребления [Wołagiewicz, 1993, Рис. 3].

Мы не знаем с достоверностью, сколь длительным был процесс проникновения представителей Брест-Тришинской волны к юго-востоку, это могло происходить и в течение нескольких лет, и в течение нескольких десятилетий. Поскольку же основной набор вещей, обнаруживаемых на со-

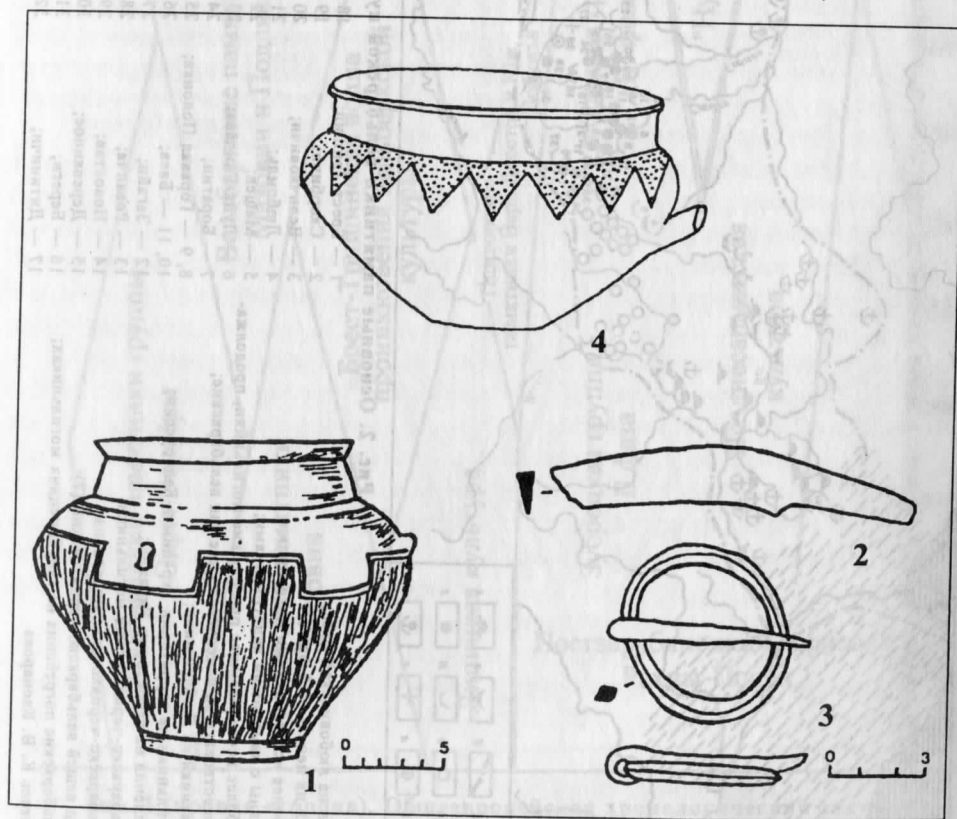

Рис. 3. Комплекс погребения из села Пересыпки на Сейме (по Ю. В. Кухаренко).

ответствующих памятниках, совпадает с теми, которые в Центральной Европе диагностируют ступени B_2/C_1 и C_{1a} , можно утверждать лишь следующее: процесс мог иметь место в интервале приблизительно от 150—160 гг. до 220—240 гг., хотя пик вероятности совершения этих событий должен был бы лежать около 200 г. Более точные определения на сегодня вряд ли возможны.

К сожалению, мы не можем определить точно и дату самого интересного для нашего сюжета памятника. Имеется в виду урновое трупосожжение в Мангалии в Добрудже около Истрии. В качестве урны (рис. 3, 4) была использована лепная миска с ручкой, украшенная по плечикам орнаментом в виде треугольников, заполненных точками [Isonoti, 1968, p. 256, fig. 36; Щукин, 1994, рис. 94, 4]. У раскопщиков находка, естественно, не вызвала особых ассоциаций, но каждый, знакомый с пшеворской и вельбаркской керамикой, без труда обнаружит соответствующие параллели, в частности, таким образом украшен и один из сосудов могильника Брест-Тришин [Кухаренко, 1980, табл. VII, 8д]. Названное захоронение в Мангалии может относиться как к Брест-Тришинской, так и к последующей «Дытынской волне» вельбаркского проникновения, но и в том, и в другом случаях соотношение этого погребения с готами, упомянутыми в связи с деятельностью Тулия Менофила около 238 г., представляется весьма вероятным.

Нужно сказать, что вторая, «Дытынская», волна вельбаркского проникновения выглядит более мощной, чем первая. Судя по находкам ранних вариантов подвязных фибул, трехслойных роговых гребней и соответствующей керамики, она приходится на ступень C_{1b} европейской хронологической системы. Примерно в этом интервале были заложены могильники в Дытыничах и в Городище на Волини [Смішко, Свешников, 1961; Кухаренко, 1978], в Козья-Яссы в Румынской Молдове [Ionita, 1972], тогда же основана большая часть известных поселений Волини [Козак, 1989; 1992], поселения Ромош в верховьях Западного Буга [Кропоткин, 1974; Крушельницька, Оприск, 1975; Kruszelnicka, 1981], Великая Слободка в Среднем Поднестровье [Козак, Журко, 1983] и серия поселений в среднем течении Южного Буга [Хавлюк, 1988].

Наибольшая концентрация вельбаркских памятников наблюдается на Волини, где носители этой культуры встретились с представителями так называемой Зубрецькой группы памятников, потомками продвинувшегося сюда ранее еще в I в. н. э. и смешавшегося населения пшеворской и зарубинецкой культур. По представлениям Д. Н. Козака, они были оттеснены вельбаркцами на запад, в пределы нынешней Львовской области, а их потомки стали затем создателями памятников типа Рипнев-Черепин, относимых обычно к черняховской культуре [Козак, 1992].

Во время Дытынской волны происходит, вероятно, и возобновление захоронений на заброшенных около ста лет до того зарубинецких могиль-

никах Велемичи и Отвержичи в Полесье, осуществленное носителями вельбаркской культуры [Каспарова, 1989]. Последний факт может представлять особый интерес, поскольку расположены эти памятники в пустовавшей в тот момент и болотистой местности, к югу от большой полноводной реки Припяти, что очень напоминает описание Иорданом пути движения готов Филимера [Jord. Get. 26]. Не исключено, что некая часть именно этой группы готов оставила названные захоронения, хотя настаивать на таком предположении, естественно, не приходится.

И опять же мы не знаем конкретно, когда происходило это движение вельбаркского населения и сколь длительным был этот процесс. В целом интервал ступени S_{1b} может длиться приблизительно от 180-х до 260-х годов и датировка событий может достаточно свободно «плавать» в этом интервале, хотя пик вероятности скорее всего приходится на 230—250-е годы. Естественно, это скорее интуитивное ощущение, чем результат точного расчета, но такой расчет при современном состоянии наших знаний и невозможен.

С каким же населением, с какой политической ситуацией носители вельбаркской культуры должны были встретиться в Причерноморье?

Двадцать лет тому назад автор этих строк посвятил этому вопросу специальную статью и даже попытался выразить ситуацию в графической форме [Шукин, 1979; I Goti... 1994, fig. I, 25]. Можно убрать из приводимой тогда таблицы Бережанский клад, оказавшийся более ранним [Shchukin, 1995], сдвинуть некоторые датировки в связи с приведенными выше уточнениями, но общая конфигурация культурных соотношений почти не изменится.

Вексильации римских легионов, некоторое время стоявшие в городах Причерноморья, покинули их еще при Антонине Пие (138—161 гг.). Жители теперь могли рассчитывать лишь на крепость стен и собственные ополчения.

Основную массу населения степи и южной части лесостепи очевидно составляли сарматы, памятники их особенно многочисленны. Но, по всей вероятности, уже ушла в прошлое слава «Великой Аорсии» и царя Фарзоя [Шукин, 1994, с. 204—222]. Богатейшие сарматские захоронения типа «Сokolовой Могилы» [Ковпаненко, 1986] и Порогов [Симоненко, Лобай, 1991] с вещами бирюзово-золотого стиля уже неизвестны для рубежа II—III вв. Среднесарматская культура сменилась позднесарматской, более простой и монотонной. Последние исследования М. М. Фокеева [1998, с. 5] привели к заключению, что, во всяком случае в Буджаке, существует и определенный hiatus между памятниками среднесарматской и позднесарматской культур, приходящийся, по его расчетам, на третью четверть II в. н. э.

Скорее всего, процесс был связан с притоком новых групп сарматских переселенцев с востока. В частности, в Танаисе зафиксировано появление людей с новыми иранскими именами, неизвестными ранее, что случилось приблизительно в 50-80-х годах II в. н. э. [Шелов, 1972, с. 232—259; 1974].

Из Танаиса же происходит важный документ эпохи. Надпись (КБН N 1237) извещает, что в 193 г. боспориты «завоевав тысячи сираков и скифов, подчинили Таврику». По всей вероятности, боспорский удар был направлен на запад, и дело не ограничилось Крымом, поскольку еще с середины I в. н. э. Плиний фиксирует сираков в районе «Ахиллова Дрома» [Plin. N. N. IV, 83], т. е. Тендровской косы между устьем Днепра и Перекопом, куда, возможно, эти жители Прикубанья или их часть ушли после поражения от аорсов и римлян в 49 г. н. э. [Шукин, 1994, с. 209—210]. По соседству с сираками размещаются у Плиния и скифы-сарды.

Не исключено, что с событиями 193 г. прекратили существование и некоторые позднескифские городища Низового Днепра — Гавриловское, Золотая Балка и др. [Шукин, 1970], а часть их обитателей отошла на запад, в Буджаке появились памятники типа Молога [Гудкова, Фокеев, 1982].

Но некоторые скифские городища сохранились, например Красный Маяк, на некрополе которого в конце II в. появляются новые элементы в виде ямных трупосожжений и коллективных захоронений младенцев под каменными стелами [Гей, 1993, с. 168]. Находка в одном из таких погребений головного бронзового венчика или гривны типа Сандруасишкы свидетельствует о связях с далекой Прибалтикой через лесную зону Восточной Европы [Гей, Бажан, 1993].

При всех обстоятельствах складывается впечатление, что рубеж II—III вв. отнюдь не был спокойным в Причерноморье. Проиграв войну с Боспором, скифы и сарматы, возможно, оказались ослабленными, что и облегчало проникновение сюда вельбаркских и других колонистов.

А с северо-запада сюда двигались не только вельбаркское население, но и носители пшеворской культуры. Их керамика представлена на поселениях в Лепесовке [Шукин, 1989, рис. 12], Черепине [Баран, 1961, табл. VII—VIII], Незвиско [Смирнова, 1964, рис. 5:2—9, рис. 7; Шукин, 1972] и др. А через Верхнее Поднестровье и вплоть до верховий Южного Буга тянется цепочка одиночных погребений с ритуально согнутым по пшеворскому обряду оружием — Добростаны, Петрилув, Иване Злоте, Громовка и другие [Śmiszko, 1932; Козак, 1984; Dąbrowska, Godłowski, 1970]. Характерные для пшеворской культуры ступени S_{1a} прямоугольные портупейные пряжки с двойным язычком [Madyda, 1977, s. 375—377; Madyda-Legutko, 1990] оказались в сарматском погребении в Холмском в Буджаке [Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 6:2] и в одном из захоронений некрополя Ольвии [Бажан, Герцигер, 1993].

Наиболее организованную силу Северо-Западного Причерноморья, судя по монолитности культуры, составляли, по всей вероятности, племена карпов, сопоставляемые обычно, с культурой Поянешти-Вуртешкой между Карпатами и Прутом [Bichir, 1976]. Но и на их территорию проникали носители вельбаркской культуры — могильник Козья-Яссы [Ionița, 1972].

никах Велемичи и Отвержичи в Полесье, осуществленное носителями вельбаркской культуры [Каспарова, 1989]. Последний факт может представлять особый интерес, поскольку расположены эти памятники в пустовавшей в тот момент и болотистой местности, к югу от большой полноводной реки Припяти, что очень напоминает описание Иорданом пути движения готов Филимера [Jord. Get. 26]. Не исключено, что некая часть именно этой группы готов оставила названные захоронения, хотя настаивать на таком предположении, естественно, не приходится.

И опять же мы не знаем конкретно, когда происходило это движение вельбаркского населения и сколь длительным был этот процесс. В целом интервал ступени S_{1b} может длиться приблизительно от 180-х до 260-х годов и датировка событий может достаточно свободно «плавать» в этом интервале, хотя пик вероятности скорее всего приходится на 230—250-е годы. Естественно, это скорее интуитивное ощущение, чем результат точного расчета, но такой расчет при современном состоянии наших знаний и невозможен.

С каким же населением, с какой политической ситуацией носители вельбаркской культуры должны были встретиться в Причерноморье?

Двадцать лет тому назад автор этих строк посвятил этому вопросу специальную статью и даже попытался выразить ситуацию в графической форме [Шукин, 1979; I Goti... 1994, fig. I, 25]. Можно убрать из приводимой тогда таблицы Бережанский клад, оказавшийся более ранним [Shchukin, 1995], сдвинуть некоторые датировки в связи с приведенными выше уточнениями, но общая конфигурация культурных соотношений почти не изменится.

Векселяции римских легионов, некоторое время стоявшие в городах Причерноморья, покинули их еще при Антонине Пие (138—161 гг.). Жители теперь могли рассчитывать лишь на крепость стен и собственные ополчения.

Основную массу населения степи и южной части лесостепи очевидно составляли сарматы, памятники их особенно многочисленны. Но, по всей вероятности, уже ушла в прошлое слава «Великой Аорсии» и царя Фарзоя [Шукин, 1994, с. 204—222]. Богатейшие сарматские захоронения типа «Солоковой Могилы» [Ковпаненко, 1986] и Порогов [Симоненко, Лобай, 1991] с вещами бирюзово-золотого стиля уже неизвестны для рубежа II—III вв. Среднесарматская культура сменилась позднесарматской, более простой и монотонной. Последние исследования М. М. Фокеева [1998, с. 5] привели к заключению, что, во всяком случае в Буджаке, существует и определенный hiatus между памятниками среднесарматской и позднесарматской культур, приходящийся, по его расчетам, на третью четверть II в. н. э.

Скорее всего, процесс был связан с притоком новых групп сарматских переселенцев с востока. В частности, в Танансе зафиксировано появление людей с новыми иранскими именами, неизвестными ранее, что случилось приблизительно в 50-80-х годах II в. н. э. [Шелов, 1972, с. 232—259; 1974].

Из Тананса же происходит важный документ эпохи. Надпись (КБН N 1237) извещает, что в 193 г. боспориты «завоевав тысячи сираков и скифов, подчинили Таврику». По всей вероятности, боспорский удар был направлен на запад, и дело не ограничилось Крымом, поскольку еще с середины I в. н. э. Плиний фиксирует сираков в районе «Ахиллова Дрома» [Plin. N. N. IV, 83], т. е. Тендровской косы между устьем Днепра и Перекопом, куда, возможно, эти жители Прикубанья или их часть ушли после поражения от аорсов и римлян в 49 г. н. э. [Шукин, 1994, с. 209—210]. По соседству с сираками размещаются у Плиния и скифы-сарды.

Не исключено, что с событиями 193 г. прекратили существование и некоторые позднескифские городища Низового Днепра — Гавриловское, Золотая Балка и др. [Шукин, 1970], а часть их обитателей отошла на запад, в Буджаке появились памятники типа Молога [Гудкова, Фокеев, 1982].

Но некоторые скифские городища сохранились, например Красный Маяк, на некрополе которого в конце II в. появляются новые элементы в виде ямных трупосожжений и коллективных захоронений младенцев под каменными стелами [Гей, 1993, с. 168]. Находка в одном из таких погребений головного бронзового венчика или гривны типа Сандруасишкы свидетельствует о связях с далекой Прибалтикой через лесную зону Восточной Европы [Гей, Бажан, 1993].

При всех обстоятельствах складывается впечатление, что рубеж II—III вв. отнюдь не был спокойным в Причерноморье. Проиграв войну с Боспором, скифы и сарматы, возможно, оказались ослабленными, что и облегчало проникновение сюда вельбаркских и других колонистов.

А с северо-запада сюда двигались не только вельбаркское население, но и носители пшеворской культуры. Их керамика представлена на поселениях в Лепесовке [Шукин, 1989, рис. 12], Черепине [Баран, 1961, табл. VII—VIII], Незвиско [Смирнова, 1964, рис. 5:2—9, рис. 7; Шукин, 1972] и др. А через Верхнее Поднестровье и вплоть до верховий Южного Буга тянется цепочка одиночных погребений с ритуально согнутым по пшеворскому обряду оружием — Добростаны, Петрилув, Иване Злоте, Громовка и другие [Śmiszko, 1932; Козак, 1984; Dąbrowska, Godłowski, 1970]. Характерные для пшеворской культуры ступени S_{1a} прямоугольные портупейные пряжки с двойным язычком [Madyda, 1977, s. 375—377; Madyda-Legutko, 1990] оказались в сарматском погребении в Холмском в Буджаке [Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 6:2] и в одном из захоронений некрополя Ольвии [Бажан, Герцигер, 1993].

Наиболее организованную силу Северо-Западного Причерноморья, судя по монолитности культуры, составляли, по всей вероятности, племена карпов, сопоставляемые обычно, с культурой Поянешти-Вуртешской между Карпатами и Прутом [Bichir, 1976]. Но и на их территорию проникали носители вельбаркской культуры — могильник Козья-Яссы [Ionița, 1972].

Что касается сходной липицкой культуры Прикарпатья [Šmiszko, 1932; Цигилик, 1975] и постзарубинецкой группы Рахны в среднем течении Южного Буга [Хавлюк, 1971; 1976], то они, можно думать, исчезли несколько ранее прихода вельбаркцев. Во всяком случае, на этих памятниках нет вещей, выходящих за пределы ступени В₂, существование их в более позднее время проблематично, хотя полностью и не исключается [Щукин, 1994, с. 232—239].

Далее по кромке лесостепной и лесной зон от Среднего Поднепровья до Верхнего Подонья рассыпаны памятники различных так называемых «постзарубинецких» групп, сохранивших, правда, очень немного традиций своих зарубинецких предков. В их среду то и дело подходят с севера, из районов Гомеля в нынешней Белоруссии, новые родственные поселенцы, оставившие памятники типа Вовков [Горюнов, 1981, с. 37—38; Обломский, 1991; Обломский, Терпиловский, 1991; Щукин, 1994, с. 232—244]. На Левобережье они достигают бассейна Сулы. Происходит это в пределах конца I—середины II в., точнее, к сожалению, определить невозможно.

На основе различных «постзарубинецких» групп, во второй половине II—начале III в., после ряда «перетасовок» населения, просходит параллельно черняховской культуре формирование культуры киевской [Терпиловский, Абашина, 1992]. Возможно, именно угроза вельбаркско-черняховской колонизации заставила это население консолидироваться в более прочное единство.

Мы не будем сейчас подробно заниматься проблемой сложения монолитной черняховской культуры, неожиданно перекрывшей почти на два столетия пестроту различных упомянутых выше предчерняховских групп населения на огромном пространстве от Клузы в Румынии до Курска. Очевидно, этот процесс происходил неоднозначно и одновременно для разных регионов, но это — тема специальной работы.

Важно, что практически все исследователи, занимавшиеся специально хронологическим расчленением черняховской культуры, при всех разногласиях, существующих между ними, пришли к единодушному решению — наиболее ранние захоронения черняховских могильников в Ружичанке, Чернеливе-Русском, Токах, Данчанах и в Журовке относятся к временному интервалу 230—260 гг. [Бажан, Гей, 1992; Гей, Бажан, 1997; Герета, 1989; Гороховский, 1988; Рафалович, 1986; Шаров, 1992; Щукин, 1976; Щукин, Щербакова, 1986], т. е. финал интересующего нас периода тоже сюда входит.

Юг Волини, север Подолии, центральная Молдова и южная часть Среднего Поднепровья, вероятно представляли начальный регион формирования новой культурной общности.

Естественно, представители и потомки всех этнических групп предчерняховского времени так или иначе принимали участие в этом процессе, и М. Б. Щукин никогда не утверждал, как думают его оппоненты [Козак,

1985, с. 74], что черняховская культура является прямым продолжением и развитием вельбаркской. Процесс был значительно более сложным, и черняховская культура безусловно представляет собой совершенно новое и многокомпонентное образование.

Однако нигде, за исключением вельбаркской культуры, мы не найдем у предшественников погребального биритуализма, сочетания трупосожжений и трупоположений, свойственного черняховской культуре. Нигде, за исключением Скандинавии и южного побережья Северного моря, не наблюдается традиции сооружения «длинных домов», сочетающих под одной крышей и жилое помещение, и хлев или мастерскую, что характерно для черняховской культуры. По расчетам А. И. Журко [1983, с. 7—13; 1988, с. 85—88], специально занимавшегося черняховским домостроительством, к 1983 г. на 84 черняховских поселениях были зафиксированы длинные наземные дома, тогда как углубленные постройки общеевропейского облика были отмечены лишь на 72 поселениях. Так что выходцы с северо-запада безусловно должны были играть заметную роль в формировании новой общности.

Поскольку черняховскую культуру немислимо представить без характерной гончарной керамики, решение вопроса о ее происхождении и датировке может оказаться ключевым и для разрешения и черняховской проблемы в целом. Это большая и специальная тема, для подробного обсуждения которой здесь уже не остается места. Напомню только, что упования на материалы античных городов Северного Причерноморья [Тиханова, 1973] при специализированном изучении не оправдались [Гудкова, Крапивина, 1988; 1990; Бобринский, 1991].

Поскольку и конструкция черняховских горнов, и ряд форм керамики восходят к кельтским прототипам, более перспективным представляется поиск в западном направлении, в землях, где еще могли сохраняться кельтские традиции, в Среднем и Верхнем Подунавье [Щукин, 1973; Бобринский, 1991; Шаров, 1992; Šarov, 1995; Зильманович, 1995]. Есть некоторые основания думать, что гончары, построившие горны в Лепесовке, были из числа тех, кто прежде обслуживал каструмы Дунайского лимеса [Зильманович, 1995; Tikhanova et alii. In print].

Что касается времени появления гончарной керамики, то стратиграфические наблюдения в Лепесовке позволяют думать, что это произошло сравнительно рано. В развалинах дома VIII были обнаружены и черепки гончарной посуды, и фибула Альмгрен 129, самая ранняя в черняховской культуре. Фибулы такого типа характерны для ступени В₂/С₁ [Godłowski, 1970, Pl. I, 47], а существенным показателем их абсолютной даты является находка в Иже в Словакии, в римском военном лагере аукселяриев на левом берегу Дуная, функционировавшем во время Маркоманнских войн всего 4 года, со 175 по 179 гг. [Hüssen, Rajtár, 1994. S. 218, Abb. 2:1].

Но при расчистке остатков дома VIII была найдена также бронзовая фибула с высоким держателем иглы VII группы, по Альмгрену, украшенная

зернеными кольцами. Фибулы этой группы в разных вариациях бытовали на протяжении ступеней C_1 и C_2 , но наличие зерненных колец указывает, скорее, на последнюю [Godłowski, 1970, Pl. I, 47; III, 22; VI, 29; XI, 1].

Если исключить элемент случайности, перемешанности слоев и прочего, что возможно, то сочетание в одном комплексе фибул VII группы и Альмгрен 129 V группы могло бы быть реальным во временном интервале перекрывания друг другом ступеней B_2/C_1 , C_{1a} , C_{1b} и C_2 . А это, по предложенной выше хронологии, могло бы соответствовать 200—240 гг.

Как уже говорилось, ранее других были заложены могильники Ружичанка [Винокур, 1979], Чернелив-Русский [Герета, 1989; 1995] и Данчаны [Рафалович, 1986] и, если рассмотреть лишь самые начальные стадии этих памятников, то обнаружится несколько странная картина. Будь эти захоронения обнаружены изолированно, прочие погребения, допустим, остались бы не раскопанными, большую часть обнаруженных мы вряд ли без сомнений отнесли бы к черняховской культуре. Тем не менее, они лежат в основе памятников безусловно черняховских. Они представляют своего рода «нулевую фазу» черняховской культуры.

В этом отношении особый интерес может представлять погребение 25 Ружичанки [Винокур, 1979, с. 118—120, рис. 16; Бажан, Гей, 1992, рис. 1], где наряду с низкой крупных дынчатых бус из голубого «египетского фаянса» и римской бронзовой чернильницей, вещами отнюдь не характерными для черняховской культуры, была обнаружена подлощенная лепная миска с загнутым внутрь венчиком (рис. 4). Подобные миски, вообще говоря, не представляют культурной специфики, их можно найти в самых разных и разновременных культурах, но в частности аналогичные близких пропорций имеются на памятниках Среднего Подунавья эпохи Маркоманнских войн [Droberjar, 1994, Abb. 10, 6; Sauer, 1994, Abb. 2, 1; Tejral, 1994, Abb. 16, 5], что небезынтересно в связи с упомянутыми наблюдениями о возможных западных истоках черняховского гончарства. По всей вероятности, был прав Е. Л. Гороховский, отмечая на ранней Ружичанской стадии определенную концентрацию Придунайских импортов [Гороховский, 1988].

Что касается Данчен, то как будто не возникает особых сомнений, что основан был могильник носителями вельбаркской культуры, керамика которых достаточно хорошо представлена в первых двух фазах могильника [Шаров, 1992, табл. III, XII-50], хотя уже и на самой ранней фазе Ia [Шукин, Щербакова, 1986, рис. 6] в погребениях имеются фрагменты гончарной черняховской посуды [Рафалович, 1986, погр. 394, с. 114—115; погр. 122, с. 53; погр. 326, с. 93; погр. 254, с. 82], на что до сих пор как-то не обращалось специального внимания. Исключение составляет лишь погребение 203 с фрагментами вторично пережженной исключительно лепной керамики, перстнем-ключом, обломком бронзового сосуда типа Стара Загора и, возможно, наконечником рога [Рафалович, 1986, с. 72, табл. XXXVII,

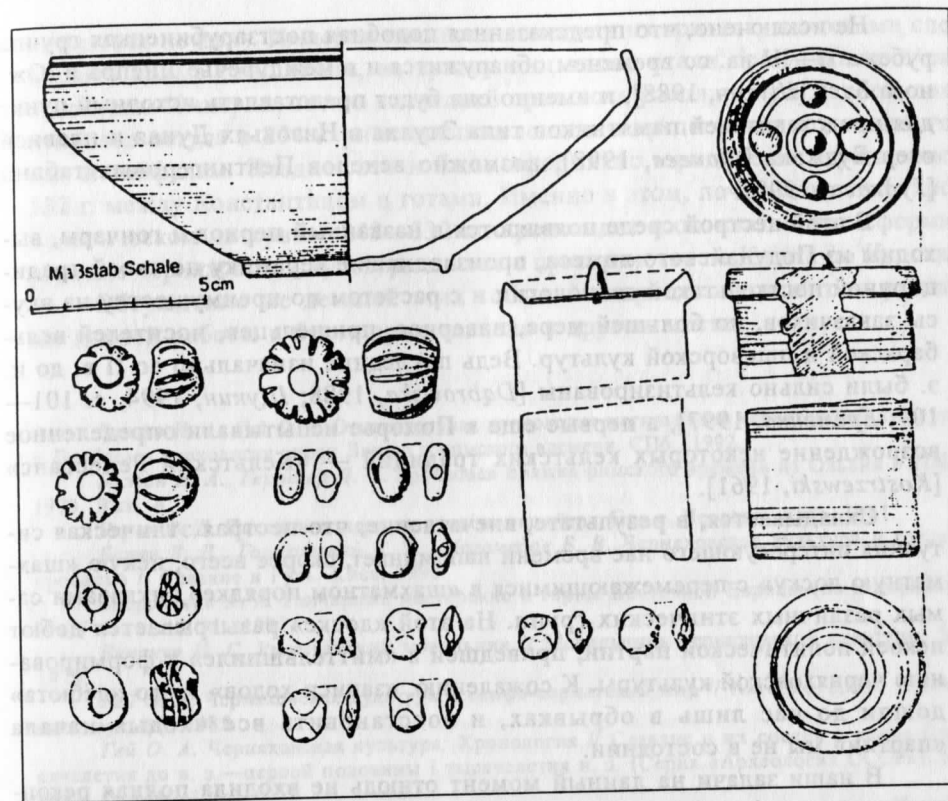

Рис. 4. Комплекс погребения 25-го могильника Ружичанка (по рис. А. Коковского).

3—5; Шукин, Щербакова, 1986, с. 194—195]. По сути дела именно это захоронение можно было бы отнести к «нулевой фазе».

Таким образом, Северное Причерноморье в интересующий нас период 166—242 гг. представляло собой довольно пеструю в этническом плане чересполосицу и, вероятно, весьма динамичную, в плане политическом, картину.

Здесь и сарматы «позднесарматской культуры», возможно те самые спалы, которых упоминает Иордан [Iord. Get. 28], и проникающие с северо-запада носители вельбаркской культуры (возможно готы Филимера, сражавшиеся со спалами), здесь же тоже проникающие с северо-запада носители пшеворской культуры.

Кроме того существует уже между Прутом и Карпатами массив дакийского племени карпов, представленных культурой Поянешти-Вуртешкой, а по кромке лесостепных и лесных районов Украины рассеяны различные общины постзарубинецкого населения.

Не исключено, что предсказанная подобная постзарубинецкая группа рубежа II—III вв. со временем обнаружится и в междуречье Днестра и Южного Буга [Щукин, 1988], и именно она будет представлять исходный пункт для представителей памятников типа Этулия в Низовьях Дуная и плавней озер Буджака [Фокеев, 1998], возможно венедов Певтингеровых таблиц [Гудкова, 1990].

В этой пестрой среде появляются в названный период и гончары, выходцы из Подунайского лимеса, производившие керамику по своей традиционной посткельтской технологии и с расчетом по преимуществу на вкусы заказчиков, по большей мере, наверно, пришельцев, носителей вельбаркской и пшеворской культур. Ведь последние изначально со II в. до н. э. были сильно кельтизированы [Dąbrowska, 1988; Щукин, 1994, с. 101—107; Еременко, 1997], а первые еще в Поморье испытывали определенное возрождение некоторых кельтских традиций — «Кельтский Ренессанс» [Kostrzewski, 1961].

Складывается, в результате, впечатление, что пестрая этническая ситуация интересующего нас времени напоминает, скорее всего, некую «шахматную доску» с перемежающимися в «шахматном порядке» энклавами самых различных этнических групп. На этой «доске» разыгрывается дебют некоей политической партии, приведшей в «миттельшпиле» к формированию черняховской культуры. К сожалению, «записи ходов» этого «дебюта» дошли до нас лишь в обрывках, и восстановить все «ходы» начала «партии» мы не в состоянии.

В наши задачи на данный момент отнюдь не входила полная реконструкция хода формирования черняховской культуры, цель была более проста — зафиксировать лишь самые первые свидетельства источников о появлении готов в Дунайско-Причерноморском регионе и самые первые проявления черняховской культуры, выяснить, в какой степени они совпадают или не совпадают. По мере сил это было сделано.

А процесс формирования новой общности продолжался и происходил на фоне глубокого экономического и политического кризиса Империи, чехарды солдатских императоров, их войн с персидскими Сасанидами, узурпаторами Галлии и Пальмиры, с постоянно прорывавшим лимес варваров Остроготы, если только этот персонаж не вымышлен, набеги его полководцев в 248—251 гг. на Балканы и переход на сторону варваров мятежных мезийских легионов Марина Папатиана. Затем на сцене появляются уругунды-бургунды и некие бораны, действующие то в Иллирике, то в Италии и на Рейне, то на Боспоре. Следует ряд морских набегов на Кавказское и Малоазийское побережье, к которым присоединяются и герулы, еще одно племя, происходящее из Скандинавии. В 269—270 гг. именно они, совместно с готами, попытались организовать переселение скопления образовавшегося в Причерноморье излишнего населения на Балканы, но

потерпели неудачу. Империя начинала выходить из кризиса, и с готами сложились новые отношения, из врагов они вновь стали союзниками и сателлитами Империи, за что последней пришлось расплатиться Дакией, эвакуировав оттуда в 274 г. римских поселенцев и предоставив эти земли готам и тайфалам. Позднее это и было оформлено юридически «феодусом» 332 г. между Константином и готами. Именно в этом, почти столетнем хронологическом интервале 248—332 гг. происходит и окончательное формирование черняховской культуры на всем пространстве от Клуза до Курска.

Обсуждение же деталей этих событий и процессов лежит за рамками данной работы и будет представлено в другом месте.

- Бажан И. А., Гей О. А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб., 1992.
- Бажан И. А., Герцегер Д. С. Бронзовая пряжка римского времени из Ольвии // ПАВ. 1993. Вып. 4.
- Баран В. Д. Поселения перших століть нашої ери біля с. Черепин. Київ, 1961.
- Баран В. Д., Гороховский Е. Л., Магомедов Б. В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь. Киев, 1990.
- Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II—V вв. н. э.). М., 1991.
- Винокур И. С. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М., 1979.
- Гей О. А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Гей О. А. Черняховская культура: Хронология // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.—первой половины I тысячелетия н. э. (Серия «Археология СССР»). М., 1993. С. 143—146.
- Гей О. А., Бажан И. А. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днестре // ПАВ. 1993. Вып. 3.
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
- Герета И. П. Новые могильники черняховской культуры Западной Подолии и вельбаркская культура // KWMOR, t. II. Lublin, 1989. S. 283—313.
- Герета И. П. Нові пам'ятки західного Поділля в світлі проблем черняхівської культури // МДАПВ, вип. 6. Львів, 1995. С. 144—163.
- Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. IV. Киев, 1988.
- Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.
- Гудкова А. В. Группа венедов в Низовьях Дуная // VI Международный конгресс славянских археологов. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990.
- Гудкова А. В., Крапивина В. В. Сероглиняная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.
- Гудкова А. В., Крапивина В. В. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Киев, 1990.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. Киев, 1982.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I—IV вв. н. э. Киев, 1984.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. Сармати і черняхівська культура в Буджакському степу // Археологія південного заходу України. Київ, 1992.
- Еременко В. Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб., 1997.

Журко А. И. Жилые сооружения племен черняховской культуры. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.

Журко А. И. О соотношении наземных и углубленных жилищ черняховской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988.

Зильманович И. Д. Об одном типе керамики из Лепесовки // СГЭ. 1995. Вып. 56.

Каспарова К. В. Соотношение вельбарской и зарубинцевской культур в Припятском Полесье // KWMOR. 1989. Т. II.

Каспарова К. В., Щукин М. Б. Могильник Могиланы—Хмельник в Ровенской области // ТГЭ. 1979. Т. 20.

Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986.

Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'і і Західному Побужжі. Київ, 1984.

Козак Д. Н. Вельбарская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.

Козак Д. Н. Вельбарская культура на Волини // KWMOR. 1988. Т. I.

Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е.—IV ст. н. е.). Київ, 1992.

Козак Д. Н. До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н. е. // Старожитності Русі — України. Київ, 1994.

Козак Д. Н., Журко О. І. Поселення поблизу с. Велика Слобідка пізньоримського часу в Середньому Подністрів'і // Археологія. Вип. 43. Київ, 1983.

Кропоткин В. В. Раскопки поселения у с. Ромош // АО-1973. М., 1974.

Крушельницька Л. І., Оприск В. Г. Поселення східнопоморсько-мазовецької культури у верхів'ях Західного Бугу // Археологія. Вип. 8. Київ, 1975.

Курчатова С. І., Симоненко О. В., Чирков А. Ю. Сарматський воїнський могильник на Середньому Пруті // Археологія. Вип. 1. Київ, 1995.

Кухаренко Ю. В. Погребение у с. Пересыпки // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Кухаренко Ю. В. Могильник у с. Городище // Проблемы археологии. Л., 1978.

Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980.

Лавров В. В. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III—IV вв. н. э. // Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. Рукопись.

Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.

Магомедов Б. В. Вельбарские элементы в черняховских памятниках Южного Побужья // KWMOR. 1989. Т. II.

Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днестра и Дона в I—IV вв. н. э. М.; Сумы, 1991.

Обломский А. М., Терпиловский Р. М. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.

Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Кишинев, 1986.

Русанова И. П. Вельбарская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. (Серия «Археология СССР»). М., 1993.

Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы северо-западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991.

Смирнова Г. И. Поселение у с. Незвиско в первые века нашей эры. // МИА, 1964. № 116.

Смішко М. Ю., Свешніков І. К. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської обл. // МДАПВ. 1961. Вип. 3.

Терпиловский Р. В. К проблеме контактов киевской и вельбарской культур // KWMOR. 1989. Т. II.

Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры. Свод археологических источников. Киев, 1992.

Тиханова М. А. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л., 1973.

Фокеев М. М. Поселення Буджацького степу у I ст. до н. е.—IV ст. н. е. // Автореф. ... дис. Канд. ист. наук. Одеса, 1998.

Хавлюк П. І. Пам'ятки зарубинцевської культури на Побужжі // Археологія. Вип. 4. Київ, 1971.

Хавлюк П. І. Зарубинцевська культура Південного Побужжя та Середнього Дністра // Археологія. Вип. 18. Київ, 1976.

Хавлюк П. И. Вельбарские памятники на Южном Буге // KWMOR. 1988. Т. I.

Хавлюк П. І. Пам'ятки зарубинцевської культури на Побужжі // Археологія. Вип. 4. Київ, 1971.

Хавлюк П. І. Зарубинцевська культура Південного Побужжя та Середнього Дністра // Археологія. Вип. 18. Київ, 1976.

Хавлюк П. И. Вельбарские памятники на Южном Буге // KWMOR. 1988. Т. I.

Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. СПб., 1992.

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 232—258.

Шелов Д. Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 81—90.

Щукин М. Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. 1970. Вып. 12.

Щукин М. Б. К хронологии и стратиграфии поселения первых веков нашей эры у с. Незвиско // СГЭ. 1972. Вып. 35.

Щукин М. Б. О начальной дате черняховской культуры // ZNUJ. N. 422. Prace Archeologiczne, z. 22. Kraków, 1976.

Щукин М. Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. Вып. 20.

Щукин М. Б. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка // СА. 1988. № 3.

Щукин М. Б. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов? // KWMOR. 1989. Т. II.

Щукин М. Б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. 1991. Вып. 31.

Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Щукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Данчены: могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Кишинев, 1986.

Bichir Gh. Archaeology and History of the Carpi // B. A. R. Supplementary Series 16. Oxford, 1976.

Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Warszawa, 1988.

Dąbrowska T., Godłowski K. Grob kultury przeworskiej z Hromówki na Ukraine // ZNUJ. Prace arch., z. 12. Kraków. 1970.

Dobesch G. Zur Vorgeschichte der Markomannen Kriege // Markomannenkriege. Ursachen und Wirkungen. Brno, 1994.

Droberjar E. Die Niederschläge der Markomannenkriege auf den kaiserzeitlichen Siedlungen in Südmähren und die Frage der Übergangsstufe B-2/C-1 // MKUW. 1994.

Friebegeger O., Schmidt L. Inschriften-Sammlungen zur Geschichte der Ostgermanen. Nr. 30. Wien, 1939.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.

Godłowski K. «Superiores Barbari» und die Markomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen // SIA. 1984. № 32.

Godłowski K. Die Synchronisierung der Chronologie des germanischen Fundstoffes zur Zeit der Markomannenkriege // MKUW. 1994.

I Goti. Milano, 1994.

Hüssen C.-M., Reitár J. Zur Frage archäologischer Zeugnisse der Markomannenkriege in der Slowakej // MKUW. 1994.

Iconomu G. Cercetari archeologice la Mangalia și Neptun // Pontica. Studii și materiale de istorie, arheologie și muzeografie. Constanța, 1968.

Ilkjær J., Lønstrup J. Interpretation of the Great Votive Deposits of Iron Age Weapons // Journal of Danish Archaeology, 1982. Vol. 1.

Ilkjær J. Illerup Ådal. Bd 1—5. Aarhus, 1990—1995.

Kokowski A. Grupa Mastomęcka. Ze studiów nad przemianami kultury gotów w trakcie wędrówki. Lublin, 1995.

Kostrzewski J. Elementy celtyckie w kulturze gocko-gepidzkiej // Archeologia Polski. 1961. T. VI.

- Kruszelnicka L.* Osiedle kultury wielbarskiej v Romoszu nad Bugiem // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981.
- Madyda R.* Sprączki i okuia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. 1977. T. IV.
- Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // BAR. Intern. Ser. 360. Oxford, 1987.
- Madyda-Legutko R.* Doppeldornschnallen mit rechteckigem Rahmen in europäischen Barbaricum // Germania. 1990. Bd 68. 2. Halbband.
- Markomannenkriege. Ursachen und Wirkungen (Herausgeber H. Friesinger, J. Tejral, A. Stuppner). Brno, 1994.
- Šarov O.* Hassleben-Leuna und Dančeny // La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siècle. Paris, 1975.
- Schätze der Ostgoten. Eine Ausstellung der Maria-Curie-Skłodowska Universität Lublin und des Landesmuseum Zamość. Bevern, 1995.
- Shchukin M. B.* The Celts in Eastern Europe // Oxford Journal of Archaeology. 1995. Vol. 14. No 2.
- Śmiszko M.* Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów, 1932.
- Sulimirski T.* The Sarmatians. London, 1970.
- Szczukin M. B.* Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981.
- Tikhanova M. A., Shchukin M. B., Shcheglova O. A., Šarov O. V.* The Structure of the Lepesovka Settlement // Die Sintana de Mures-Cernjachov-Kultur. Acten des Internationalen Kolloquiums in Caputh. 1995. Bonn, 1999. S. 91—100.
- Wołagiewicz R.* Kultura wielbarska — problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981.
- Wołagiewicz R.* Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin, 1993.

Сокращения

- АСГЭ — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Ленинград — Санкт-Петербург.
- ВДИ — Вестник древней истории. Москва.
- МДАПВ — Матеріали та дослідження з археології Прикарпатт'я і Волині. Київ—Львів.
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград—Санкт-Петербург.
- СА — Советская археология. Москва.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград—Санкт-Петербург.
- BAR — British Archaeological Reports. Oxford.
- KWMOR — Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin. 1988—1989.
- MKUW — Markomannenkriege. Ursachen und Wirkungen. Brno, 1994.
- SIA — Slovenska Archeologia. Bratislava.
- ZNUJ — Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego. Kraków.

ИНГЛИНГИ И ВОСТОЧНЫЙ ПУТЬ В IV—V вв. (Yngl. 18, 19)

Сага об Инглингах как исторический источник

Гиперкритическое отношение к фольклорным текстам, определявшее в XIX в. отношение историков к древней части саги, отходит в прошлое [Гуревич, 1980; с. 613]. Теперь становится всё более ясно, насколько хорошо эпические тексты сохраняют память о прошлом [напр.: Гундин, Цымбурский, 1996]. Иную позицию занимает Т. Н. Джаксон [1993, с. 47].

Рукописная традиция саги об Инглингах (Ynglinga saga), как и всей Хеймскринглы [здесь и далее: Джаксон, 1993, с. 44—48; Гуревич, 1980], достаточно богата и позволяет относительно достоверно восстановить письменный оригинал текста [Стеблин-Каменский, 1980, с. 581; Джаксон, 1993, с. 39—41]. Соответственно мы имеем дело с текстом, весьма близким к тексту составителя, по традиции отождествляемого со знаменитым исландцем по имени Снорри (1179—1241), сыном Стурлы. Правда, в ряде рукописей говорится, что текст был записан со слов другого рассказчика — священника Ари Мудрого (1067—1148), сына Торгиля. Видимо, изначальное ядро Хеймскринглы действительно восходит к не дошедшему до нас произведению Ари «Жизнеописания конунгов (*konunga ævi)», составленном около 1120 г., но скорее всего Ари не имеет отношения к составлению саги об Инглингах, которая, как и многие другие части Хеймскринглы, была составлена Снорри позже.

Что касается саги об Инглингах, то традиционно считается, что Снорри, фактически будучи автором имеющегося текста саги, опирался в качестве источника, в первую очередь, на песнь «Перечень Инглингов (Ynglinga tal)» Тьодольва Мудрого из Хвинира (втор. пол. IX—перв. пол. X в.). Тьодольв был скальдом норвежского короля Харальда Прекрасноволосого из рода Инглингов и сочинил «Перечень» в честь Рёгнвальда, тоже Инглинга и кузена Харальда. Источники Тьодольва полностью не известны, но считается, что это были какие-то устные генеалогии, перечни и т. п. Фрагменты из «Перечня» Снорри приводит в конце большинства из глав саги. При этом содержание стихов зачастую дублирует предваряющее их прозаическое изложение, т. е. собственно текст самого Снорри. Итак, предполагается, что Снорри излагал содержание соответствующего отрывка «Перечня» прозой, расцвечивая изложение деталями, взяв их из каких-то неясных устных преданий или попросту додумав их.

Кроме Тьодольва, Снорри, как считается, использовал живую прозаическую традицию, сопровождавшую «Перечень» (Пролог саги: «... дополнил со слов мудрых людей»); дело в том, что скальдические стихи слишком кратки и вследствие этого не понятны слушателю, не знакомому